

бог при каждом зародыше, от похоти человеческия, сотворяется новая душа для каждого тела. Так за что же она, безгрешная будущи, подвергается греху и осуждению, за то, что помещается в греховное тело?».

Густо испещрен пометами, подчеркиваниями и маргиналиями список ГПБ, Титов, 4642. Все они свидетельствуют о философских интересах читателя. На первом листе содержится ссыла на текст книги: «О материи и форме писано на 29 листе на обороте, в 5-м пределении. Материя — с чего что творится, форма — чем что совершается». На указанном 29 листе имеется отметка: «Материя и форма... Сила страждущая — материя, и сила действующая — форма». В конце первой главы первой части «Великой науки» — «О естестве» — читатель записывает: «Нуж(но) читать и помнить»; на л. 26 — «Кои теперь по ряду и должно читать со вниманием». Подчеркивания касаются, в частности, приводимых в тексте книги высказываний Аристотеля (л. 16: «Аристотель в науке о качествах...»; л. 34об.: «Аристотель рече: разум наш доска голая есть», и т. п.).

Весьма многочисленны пометы в рукописи «Великой науки» ЦГАДА, МАМИД, № 663/1175. Записями на полях: «потребно», «потребно зело», «внемли изрядно», «эри» отмечены наиболее существенные места текста: «внемли изрядно: для того физикове естество свое эссе сиречь бытие подлинное нарицают» (л. 5об.); «потребно зело: кроме бога естеством своим никакая тварь не действует, но силоу естества своего» (л. 7об.); «внемли о движении: убо тварь движется ово внутренним, ово поторонним движением» (л. 8об.); «потребно зело: пределение естеств ведати, паче всего нужнейшее есть в науках» (л. 10); «потребно: три убо души философы согласно со Аристотелем полагают: разумную, чувствующую и растительную» (л. 13); «эри: о действиях разума» (л. 22); «вины, случан» (л. 105об.); «4 вины: действующая, материальная, формальная, окончающая» (л. 280—280об.) и т. п. Часто встречаются такого рода маргиналии: «к физике», «к метафизике», «к богословии подлежащая». Записями, перечисляющими основные философские проблемы «Великой науки», со ссылкой на соответствующие листы книги, заполнены свободные листы рукописи до и после основного текста: «О чувствующем действующем и о чувствующем страждущем»; «о предикаментах и категориях»; «что значат сия имена, естеству приданныя: энс значит естество само собою стоящее; эссенция — истость; эссе натура значит естество физичное из материи и формы; энтытас значит естественность; эссенциялитас значит истость; кунидытас значит ежечество»; «актус пурус что значит: значит по толкованию словесному действо чистое, сиречь несмесное; действующее токмо, а не страждущее; единому творцу прилично, а не твари; всякая тварь кроме творца и действует и страдает»; «противности в существах несть, токмо в силах и действиях их есть противность» (лл. 1об., 473—473об.). И на полях и на последнем листе отмечено читателем место «о афеистах: потребно зело» (л. 184, 473).

Все эти записи с несомненностью свидетельствуют о преимущественно философских интересах читателей «Великой науки».

Читатель «Великой науки» Раймунда Люллия — человек, стремящийся к знаниям, но лишенный возможности заниматься систематическим самообразованием. Он рассчитывает овладеть основами «протчих наук» с помощью премудрости люллиевой «Великой науки», которая привлекает его прежде всего своим логико-философским содержанием. Не как к энциклопедии и не как к учебнику риторики обращается читатель XVIII века к сочинению А. Х. Белобоцкого. «Великая наука» служила своеобразным популярным пособием по философии, учебником «универсального» научного метода, каким предстало в ней люллиево «искусство» — метода, рассчитанного на непрофессионала, но стремящегося к самообразованию читателя. Именно этим, как нам представляется, и было обусловлено распространение рукописей «Великой науки» Раймунда Люллия в демократических читательских кругах.